

Битва за Берлин

М. Ю. Мягков*

К началу 1945 г. стало ясно, что война в Европе, вероятнее всего, закончится битвой за Берлин. Об этом свидетельствовало положение на фронтах, яростное сопротивление немецких войск, отсутствие перспектив какого-то иного выхода Германии из войны. Но вопрос, кто первым достигнет столицы Германии — войска западных союзников или Красная Армия, оставался открытым. Стремление каждой из ведущих держав антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании решить эту задачу было естественным для политического руководства и командования, понятным для рядовых солдат и простых граждан этих стран. Взятие Берлина означало конец кровопролитию в Европе, приносило с собой лавры победителя в завершающем сражении войны за правое дело, укрепляло позиции в решении вопросов послевоенного устройства Германии, авторитет причастных к этому политических и военных лидеров внутри страны и на международной арене. Не говоря о том, что взятию Берлина предстояло войти в летопись мировой истории. Словом, ставки были достаточно высоки.

Советское Верховное Главнокомандование, планируя заключительную наступательную кампанию, еще в конце 1944 г. поставило перед войсками 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов задачу в кратчайший срок овладеть Берлином. В ходе развернувшейся в январе 1945 г. Висло-Одерской операции советские войска осуществили успешное продвижение по территории Польши и уже в первой декаде февраля вышли к Одеру в районе Кюстрина. До Берлина оставалось всего 60 км. Командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Г. Жуков первоначально планировал с ходу нанести мощный удар в западном направлении и в кратчайшие сроки овладеть столицей Германии. Однако события заставили его изменить свое решение.

Советскому командованию поступила информация, что противник сосредотачивает мощные группировки войск в Восточной Померании и Верхней Силезии (на флангах соединений 1-го Белорусского фронта). Важно и то, что, советские войска нуждались в отдыхе и пополнении; необходимо было подтянуть тылы, перебазировать авиацию, завершить разгром оставшихся в тылу окруженных немецких частей. Все это послужило причиной отмены приказа о наступлении на Берлин. Войска 1-го Белорусского фронта перенацеливались на ведение боев в северо-западном направлении против группировки немцев в Померании.

Уже после войны решение Жукова отложить операцию по взятию Берлина подвергалось критике со стороны некоторых советских военачальников. Версии о том, что наступление на столицу Германии в феврале 1945 г. можно было бы и продолжить, придерживался и бывший командующий 8-й гвардейской армии В. Чуйков. Однако сторонники такой гипотезы оказались в меньшинстве. В большинстве отечественных исследований этого вопроса говорится о том, что решение маршала Жукова того периода являлось наиболее оптимальным. В Восточной Померании в марте 1945 г. советским войскам действительно пришлось столкнуться с сильным противником. Германские генералы (в частности Г. Гудериан) свидетельствовали после войны о том, что командование вермахта планировало нанесение мощного контрудара по русским войскам.

Новые документы, открытые недавно в советских архивах, указывают, что решение о приостановке наступления на Берлин в феврале 1945 г. все-таки, видимо, было ошибочным. Дело в том, что в первой половине февраля 1945 г. в Генштаб Красной Армии поступило сообщение вначале от британского, а затем и американского командования о том, что немцы после отвода своих войск от Арденн в срочном

* Мягков Михаил Юрьевич — доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД России.

порядке перебрасывают 6-ю танковую армию СС на Восточный фронт. Указывалось также, что основные немецкие силы сосредотачиваются северо-западнее Бреслау и в Восточной Померании и готовятся к нанесению контрудара по флангам 1-го Белорусского фронта. Уже вечером 12 февраля текст сообщения союзников был телеграфирован в штаб маршала Жукова. Угроза советским войскам, наступавшим на берлинском направлении, казалась очевидной. Германские танковые соединения действительно могли сотворить много бед и даже выйти в тыл 1-го Белорусского фронта. Жуков после ознакомления с телеграммой отдал приказ на приостановку наступления, развернув фронт в направлении Восточной Померании. Против немецкой группировки в районе Бреслау продолжалось наступление 1-го Украинского фронта маршала Конева.

Германское контрнаступление в марте 1945 г. было предпринято, однако не там, где оно ожидалось, а в Венгрии, в районе оз. Балатон. Именно туда была переброшена 6-я танковая армия СС. В конце марта советский Генштаб счел нужным уведомить командование союзников о том, что их информация о сосредоточении 6-й танковой армии СС в Померании и в районе северо-западнее Бреслау не подтвердилась. Сталин упоминал об этом факте в переписке с руководителями Англии и США. Но время ушло. Войска 1-го Белорусского фронта уже ввязались в сражения в Восточной Померании. Наступление на Берлин переносилось на апрель 1945 г.

Сегодня довольно сложно прояснить, что стояло за сообщением союзников о передислокации 6-й танковой армии — просто непроверенные сведения или преднамеренная дезинформация. Хорошо известно, что вопрос о взятии Берлина интенсивно обсуждался политическим и военным руководством СССР, Англии и США начиная с февраля 1945 г. и приобрел характер соперничества. 1 апреля 1945 г. в Москву в Ставку Верховного Главнокомандования были вызваны командующие 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами маршалы Жуков и Конев.

«Так кто же будет брать Берлин: мы или союзники?» — задал им вопрос Сталин. Поводом для такой постановки вопроса были полученные в Москве сведения о том, что западные союзники создают для взятия Берлина группировку войск под командованием фельдмаршала Б. Монтгомери и развернули с этой целью подготовительные мероприятия.

«Берлин будем брать мы, — ответил Конев, — и возьмем его раньше союзников». Жуков сказал, что это готовы сделать войска 1-го Белорусского фронта, который имел к тому времени достаточно сил и был нацелен на Берлин с кратчайшего расстояния. По стечению обстоятельств именно в этот же день — 1 апреля У. Черчилль направил Ф. Рузвельту следующую телеграмму: «Ничто не окажет такого психологического воздействия и не вызовет такого отчаяния среди всех германских сил сопротивления,

как нападение на Берлин... Существует еще одна сторона дела, которую Вам и мне следовало бы рассмотреть. Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также и Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, что они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу... Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и что в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять...»

Телеграмма У. Черчилля была последней попыткой добиться пересмотра решения, принятого верховным главнокомандующим союзными силами в Европе Д. Эйзенхауэром о наступлении американских войск в направлении Лейпцига и Дрездена. Об этом он сообщил еще 28 марта 1945 г. в личном послании Сталину. Эйзенхауэр отклонил настойчивую просьбу Монтгомери о выделении ему 10 дивизий для наступления на Берлин. Комитет начальников штабов, а затем и президент Ф. Рузвельт поддержали решение главнокомандующего.

К этому времени в Москве разработка плана Берлинской операции в основных чертах уже была завершена. Она готовилась Генеральным штабом с участием командования и штабов 1-го и 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Наступление на Берлин назначалось на 16 апреля силами двух фронтов. 1-й Белорусский фронт должен был нанести главный удар с кюстринского плацдарма силами четырех общевойсковых и двух танковых армий. Развивать успех, вводя дополнительные резервные соединения, предполагалось как в направлении самого Берлина, так и в обход его с севера и северо-запада. Перед войсками Жукова находилась сильно укрепленная полоса немецкой обороны на Зееловских высотах, преодолеть которую было очень непросто. 1-му Украинскому фронту предстояло прорываться несколько южнее Берлина и наступать в направлении р. Эльбы на соединение с передовыми частями западных союзников. Командующему 1-м Украинским фронтом И. Коневу ставилась и еще одна задача: частью сил нанести удар по Берлину с юга. При этом разграничительная линия между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами была доведена только до г. Люббен (60 км юго-восточнее Берлина). Маршал Конев вспоминал впоследствии, что при утверждении проекта операции Сталин провел на карте разграничительную линию вплоть до Люббена, но затем оборвал карандаш и дальше линию не повел. Он ничего не сказал при этом, но, судя по всему, тем самым он молчаливо предложил действовать далее, исходя из обстановки. Возможно, в этом обрыве был негласный призыв к соревнованию?...

Готовя операцию, Жуков особое внимание уделял достижению ее внезапности. Предусматривался целый комплекс мер по дезинформации противника,

массированному введению в сражение сил и средств, организации разведки боем перед началом наступления. Чтобы ошеломить противника, родилась идея проведения главной атаки за два часа до рассвета с применением прожекторов для освещения пути своим войскам и ослепления противника. Вот что маршал Жуков рассказывал о тех событиях уже после операции, на своей первой пресс-конференции, устроенной для иностранных журналистов в поверженном Берлине 7 июня 1945 г.:

«К этому заключительному и решающему сражению мы провели серьезную подготовку. Мы подтянули достаточно технических средств и рассчитали все детали операции наверняка... сосредоточили крупные силы артиллерии, танков, авиации, чтобы можно было в кратчайший срок сломить сопротивление противника и быстро овладеть самим Берлином. Особое внимание было обращено на точное взаимодействие всех родов войск. Конечно, немцы ждали нашего удара на Берлин. Мы знали это хорошо и очень долго думали над тем, как бы в этих условиях организовать внезапный удар для противника. Для достижения этой цели я, как командующий операцией, выбрал ночной способ атаки всем фронтом, чего немцы, по показаниям пленных, не ожидали. Немецкое верховное командование было уверено, что главная атака Красной Армии невозможна ночью... Большую роль в успехе ночной атаки сыграло одно техническое новшество. Чтобы помочь танкам и пехоте лучше ориентироваться в ночной атаке, мы организовали по всему фронту прожекторный подсвет пути для наступающих колонн. Одновременно наши прожектора не только подсвечивали путь наступающим войскам, но и ослепляли противника, который вследствие этого был лишен возможности вести точный прицельный огонь. Примерно на каждые 200 метров действовал один мощный прожектор».

16 апреля войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов перешли в наступление. 2-й Белорусский фронт (командующий К. Рокоссовский) начал наступление 18 апреля. Его действия также имели большое значение для взятия Берлина, поскольку прикрывали правый фланг советских ударных сил.

Войска Жукова довольно быстро преодолели первую оборонительную полосу обороны. Их наступление поддерживали до 4 тыс. танков, 22 тыс. стволов артиллерии, около 4 тыс. самолетов. Только за первые сутки операции было произведено 15 тыс. самолетовылетов для бомбардировки позиций врага. Однако с наступлением рассвета немцы пришли в себя и их сопротивление по мере приближения к Зееловским высотам стало возрастать. На удержание этих высот, являвшихся ключом к Берлину, противник бросил главные силы. Здесь советские войска понесли особенно чувствительные потери. Тем не менее положительным моментом являлся тот факт, что немецкое верховное командование, опасаясь прорыва советских ударных соединений на

этом участке, бросило сюда практически все резервы, находившиеся под Берлином, и даже вывело часть войск, предназначенных для непосредственной обороны самой столицы Германии. Как впоследствии отмечал Г. Жуков, в этом состоял «большой просчет» противника: «Подходящие из Берлина и его окрестностей резервы были разгромлены нашей авиацией и танками. Поэтому, когда наши войска ворвались в Берлин, то некоторые районы города оказались оголенными, в частности, в отношении зенитных орудий. Выведя резервы из района Берлина, противник нарушил непрерывную линию обороны, ослабил эту оборону столицы и уже не смог устоять против мощного натиска наступающих...»

К исходу 21 апреля соединения 2-й гвардейской танковой, 3-й и 5-й ударных армий 1-го Белорусского фронта вышли на северо-восточную окраину Берлина. Часть войск фронта, обойдя город с севера, продвигалась к Эльбе.

Следует отметить, что войска 1-го Украинского фронта маршала Конева встречали на пути своего продвижения несколько меньшее сопротивление. Уже к исходу 18 апреля войска фронта завершили прорыв нейсенского рубежа обороны, форсировали р. Шпрее и обеспечили условия для окружения Берлина с юга. За день до этого И. Конев направляет телеграмму командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями генералам П. Рыбалко и Д. Лелюшенко, в которой нацеливает их на взятие Берлина. Он требует от них не ввязываться в затяжные и лобовые бои, смелее продвигаться вперед. А 20 апреля Конев и Жуков направляют своим подчиненным соединениям практически одинаковые приказы: «Первыми ворваться в Берлин».

Первая весть о прорыве советских войск на окраины германской столицы была все же отправлена из штаба 1-го Украинского фронта. Телеграмма, адресованная лично Сталину сообщала: «3 гв. танковая армия Рыбалко передовыми бригадами ворвалась в южную часть Берлина и к 17:30 ведет бой за Тельтов и в центре Ланквиц... 22.04.1945.»

В это время немецкое командование предприняло последнюю отчаянную попытку спасти положение под Берлином. Гитлер приказал повернуть 12-ю армию, ранее предназначавшуюся для действий против американских войск, на восток — против 1-го Украинского фронта, чтобы в районе Ютеборга выйти на соединение с войсками 9-й армии и частью сил 4-й танковой армии. Но войска 1-го Украинского фронта отразили контрудар противника и приступили к его уничтожению. В самом Берлине германские войска продолжали упорно сражаться, пытаясь оттянуть свой неминуемый конец.

24 апреля ударные соединения 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, соединившись в районе Бранденбурга, замкнули кольцо окружения немецких войск в Берлине. 25 апреля войска 1-го Украинского фронта встретились на Эльбе с войсками

12-й американской группы армий генерала О. Брэдли. К этому времени танкисты генерала Рыбалко (1-й Украинский фронт), форсировав с ходу р. Шпрее, с ожесточенными боями продвигались к центру Берлина (разграничительная линия между войсками фронтов была изменена и проходила примерно по центру города) и оказались в тылу боевых порядков 8-й гвардейской армии и 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта. Все это вызвало некоторую неразбериху, которая могла принести и, видимо, принесла немало неоправданных жертв.

Наконец, 28 апреля Конев решил обратиться к Жукову с предложением изменить разграничительную линию между их фронтами и несколько скорректировать направление продвижения армий 1-го Белорусского фронта. Позиция Жукова по этому вопросу была противоположной. В тот же день он направил телеграмму Сталину с просьбой разрешить ему сменить своими войсками соединения 1-го Украинского фронта, наступающие к центру Берлина с южного направления. В Генеральном штабе внимательно следили за ходом событий и еще до получения телеграммы от Жукова ему и Коневу была направлена директива о новой разграничии. Суть ее сводилась к тому, что войска Конева, которые к тому времени достигли Тиргартена, должны были быть отведены, с тем чтобы их место заняли войска Жукова. Центр Берлина теперь входил в полосу действий армий 1-го Белорусского фронта, что огорчило маршала Конева. Но ему ничего не оставалось делать, как подчиниться приказу.

Между тем сражения в столице Германии продолжались с неослабевающей силой. 29 апреля начались бои за рейхстаг, овладение которым было возложено на 79-й стрелковый корпус 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. 30 апреля разведчики 150-й стрелковой дивизии М. Егоров и М. Кантария водрузили красное знамя над рейхстагом. Имперская канцелярия была взята штурмом.

В тот же день, 30 апреля, не дожидаясь, пока советские солдаты ворвутся в бункер, расположенный на территории имперской канцелярии, покончил жизнь самоубийством А. Гитлер. Он не захотел покинуть столицу Германии, решив, что его присутствие будет воодушевлять немецких солдат и поддерживать в войсках высокий боевой дух. Но его надежды оказались тщетными. В конце своей жизни он признал,

что, видимо, совершил большую ошибку, напав на Советский Союз. Русские, по его словам, оказались более сильной нацией. В день самоубийства он заперся в своем кабинете вместе с Евой Браун. Через несколько минут прозвучал выстрел. Труп Гитлера и его супруги, с которой он накануне решил пожениться, был облит бензином и сожжен его приближенными во дворе имперской канцелярии. Покончил жизнь самоубийством и министр пропаганды И. Геббельс. 2 мая сопротивление противника полностью прекратилось. Остатки берлинского гарнизона во главе с начальником обороны города генералом Г. Вейдлингом сдались в плен.

С падением Берлина Германия утратила способность к организованному сопротивлению. 2 мая 1945 г. был объявлен праздничный приказ И. Сталина, в котором говорилось о вкладе войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов в разгром берлинской группировки. Отмечалось, что к 21 часу 2 мая в плен сдались уже более 70 тыс. немецких солдат и офицеров. 3 мая Жуков осматривал имперскую канцелярию и рейхстаг, на внутренней стороне которого, как и многие советские воины, поставил свой автограф. А через несколько дней, в ночь на 9 мая, маршал Жуков вместе с представителями английского, американского и французского командования принял в Карлсхорсте (пригороде Берлина) безоговорочную капитуляцию германских войск. Война в Европе была окончена. Преступный фашистский режим и созданное им нацистское государство были повержены.

Потери советских войск в Берлинской операции были исключительно велики. Убитыми и ранеными они превысили 350 тыс. человек. Из них безвозвратные потери (убитые, пропавшие без вести) составили 78 тыс. человек. Потери противника были намного больше. Перестала существовать целая немецкая группировка количеством около 1 млн человек. Примерно 150 тыс. чел было убито, остальные взяты в плен или успели уйти на запад.

В боях за Берлин советские бойцы и командиры проявили выдающееся мужество и отвагу. Сила и мощь Красной Армии, советское военное искусство заслужили самых высоких оценок. Для того чтобы стать таковой, Красной Армии пришлось пройти через годы суровых лишений, многие жертвы, оказаться на краю пропасти, но выстоять и победить.